

УДК 821.111-143'01

**МЕСТО «ДЕОРА» В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ
ЭЛЕГИЧЕСКОМ КАНОНЕ**

Н.А. Аксёнова, А.В. Диденко

Томский политехнический университет
E-mail: Polozova15@rambler.ru, Studies08@mail.ru**Аксёнова Наталия Валерьевна**, аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков Института кибернетики ТПУ.

E-mail: polozova15@rambler.ru

Область научных интересов: замятиноведение, литература эмиграции, лакунология, древнеанглийская литература, современные образовательные технологии

Диденко Анастасия Владимировна, канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Института кибернетики ТПУ.

E-mail: studies08@mail.ru

Область научных интересов: лингвистика (сравнительно-историческое языкознание, типология, психолингвистика), методика преподавания иностранного языка, теория перевода и переводоведение.

В статье рассматривается древнеанглийская элегия «Песнь о Деоре» в контексте мировой и древнеанглийской элегической традиции. Исследование ставит целью продемонстрировать особенности данной элегии в сравнении с другими представленными произведениями этого жанра того же периода. В работе использовано несколько методов: метод сопоставительного стилистического, метод слово-образ и метод интертекстуального анализа. Анализ показывает, что элегия «Песнь о Деоре» отличается от остальных англосаксонских элегий более тесной связью с эпосом, что находит выражение в использовании обращений к историческим и эпическим сюжетам для иллюстрации лирических переживаний рассказчика. В элегии упоминаются эпические герои: Теодорик Великий, Беадохильда, кузнец Велунд – что не характерно для староанглийской элегии. Автор «Песни о Деоре» создает личностного лирического героя с претензией на автобиографизм с тщательным использованием параллелизма.

Ключевые слова:

Поэзия, лирика, элегия, эпос, Судьба, Бог, Деор.

Элегия – лирический жанр, содержащий в свободной стихотворной форме какую-либо жалобу, выражение печали или эмоциональный результат философского раздумья над сложными проблемами жизни. Основной идеей элегии является лирическое размышление. Элегии делятся на обличительные, любовные, печальные, философские и политические. Основой отнесения того или иного произведения к этому жанру был элегический дистих, который в поэтической системе древнегреческого языка противопоставлялся чисто гекзаметрическим эпическим произведениям. Древнегреческий элегический дистих – это чередование гекзаметра и пентаметра [1].

Латинская поэзия заимствовала элегический жанр у греков, как и многое другое. Для римской элегии характерно следующее:

- 1) в любовных элегиях имя любимого человека принято было скрывать или называть вымышленным именем;
- 2) помимо традиционных элегий о любви и потере начинали появляться элегии о происхождении или этиологии мифов (герои элегий были взяты из мифологии);
- 3) элегисты начали интересоваться вербальными эффектами, такими как аллитерация и рифма;
- 4) внедрение нового вида элегии – грустного стиха (Тибул).

Под влиянием латинизации и христианизации англосаксонская литература заимствует и адаптирует многие элементы классической римской литературы. Поэзия древнеанглийского периода включала в себя поэтические формы различного происхождения. Некоторые напрямую восходят к народному творчеству: загадки, гномические стихи, заклинания. Другие испытали большее или меньшее влияние латинской классики: поэмы, элегические произведения. Эти произведения причислялись определенному единственному автору, но сложно было доказать, кому конкретно они принадлежали ввиду недостаточности подтверждающих доку-

ментов в виде рукописей, дошедших до наших дней. Для англосаксонской поэзии в целом были характерны следующие особенности:

- 1) аллитерационная основа стиха;
- 2) обилие чисто поэтической и архаической лексики;
- 3) использование синонимов;
- 4) наличие сложных слов, т. е. двойных слов; как правило, значение второго слова повторяет смысл первого слова для большего усиления значения;
- 5) кеннинги (устойчивые сложные метафоры);
- 6) присутствие готовых речевых формул.

Если проследить хронологию создания англосаксонских элегий, то можно выявить, что элегии, входившие в Эксетерскую книгу и дошедшие до нас («Мореход», «Скиталец», «Плач жены», «Деор»), соединяли в себе признаки, характерные для римских и греческих элегий, которые сохранились как основа данного жанра в более поздних национальных литературах вплоть до современности: лирическое размышление (древнегреческая особенность), свободная форма, использование аллитерации (древнеримская особенность, которая хорошо легла на аллитерационный англосаксонский стих). Принято было считать певца носителем высшей мудрости. Аллитерации регулярно возникают в непоэтической речи, но в поэтической речи автор выстраивает аллитерационные ряды в большем количестве и для решения художественных задач. Аллитерационная поэзия в своей двойственной естественности-неестественности должна была быть открытой для изменений, происходящих в культуре общества и в человеческом сознании, и в то же время консервативной, канонической по форме. Каноничность поддерживается и использованием кеннингов.

Составители англосаксонских элегий добавили к чертам классической элегии отсылку на мифологию (имена скандинавских богов, героев); в древнеримских элегиях этиология мифов использовалась лишь в любовных элегиях.

Анонимность данных произведений, обусловленная христианизацией и презрением к личностному началу, отдаляет англосаксонские элегии от их древнеримских параллелей (где, правда, анонимность героя была свойственна только любовным элегиям).

Как правило, элегии – это короткие отрывки лирического содержания (рассматриваемые англосаксонские элегии имеют 124, 115, 53, 42 строчки). В эти короткие строки была заложена идея передачи эмоций, вызываемых самыми кульминационными моментами или событиями: победа, поражение. Поэтому в них встречаются эмоциональные перепады: радость или печаль, надежда или отчаяние. Взятая из классической литературы основа в виде жалостливого излияния о собственной судьбе переходит в рассказ о своем господине, своей жене (последние нужны либо для прославления, либо для ослабления):

«Me wæs Deor noma.

Ahte ic fela wintra folgað tilne,
holdne hlaford, oppæt Heorrenda nu...

leodcræftig monn londryht gefah,
þæt me eorla hleo ær gesealde».

«Меня звали Деор

Я восемь зим служил двору и королю

Пока не появился Хеорренда...

Которому отдали всё то,

Что мне было дано ранее».

В то же время древнеанглийская элегия представляла собой полностью лирическое произведение, задуманное в благозвучных напевах. Лиричность англосаксонской элегии проявляется в раскрытии души барда и его лирического духа и в их соединении с душой природы, которые раскрывают в основном силу природы и ее власть в жизни народа. По поверьям англосаксов, природа обладает душой и может изменить судьбу человека только в том случае, если человек покорится всем требованиям природы, будет соблюдать законы, которая она создает, и не будет противоречить ее желаниям, что подтверждает продолжающуюся веру в языческие божества и природу как само языческое божество. Человек, который придерживается исполнения законов природы и поклоняется ей безоговорочно, полностью отдавая

свою судьбу во власть природы, одаривается природой различными богатствами, т. к. природа добра и щедра к человеку априори. Человек черпает вдохновение, встречает или провожает рассвет или закат, слушает звук моря и пение птиц – и он становится богат как материально, так и духовно:

«Клики лебеда, Крик баклана, Стон поморника –
не смех в застолье,

Пенье чайки – Не медопитье; Бури бились о скалы, Прибою вторила Крачка морознокрылая, И орлан роснокрылый Клекотал непрестанно» («Мореход», перевод В.Г. Тихомирова) [1].

«Как ныне везде

В срединном мире: Ветрам открытые, Покрытые инеем Стены остались, Опустели жилища, Здания упадают, Вожди покоятся, Утрачена радость» («Скиталец», перевод В.Г. Тихомирова) [1].

Элегия передает два взгляда на мир, и два мира выходят на всеобщее обозрение: прошлое, полное готовых формул, и настоящее – хаотичное, бытовое, полное внезапных изменений:

«Mæg ic be me sylfum soðgied wrecan,
siþas secgan, hu ic geswincdagum
earfoðhwile oft þrowade,
bitre breostceare gebiden hæbbe» («The Seafarer»).

«Я буду честным:

Собственной грудью я видел невзгоды

И корабль мой часто шел по волнам сурового моря» («Мореход»).

Центральной темой в элегиях является путешествие, странствие, выраженное с помощью лексемы *sip*, встречающейся в разных значениях:

- как прямое значение пути – преодоление расстояния: все герои элегии (скитальцы, странники) проходят свой многодневный путь по «стезе соленой»;
- как приобретенный опыт, который накапливают герои элегии: в нужде оказался Низхед, пройдены печали и желания;
- как продолжительность жизни.

Три элегии идеально подходят под это описание, только в «Деоре» нет прямого указания на путь, кроме жизненного пути, содержание которого представлено достаточно сжато.

«Stieran mon sceal strongum mode, ond þæt on stabelum healdan,
ond gewis werum, wisum clæne» («The Seafarer»).

«Человек должен идти прямым путем

И на этом пути быть твердым

И оставаться чистым» (Мореход).

Несмотря на вышеперечисленное, особенности «Деора» на упомянутом не заканчиваются, и, чтобы осмыслить оригинальность данного произведения и его отличительные черты, необходимо понять, что представляет собой элегический герой и почему элегический герой Деор достоин внимания.

Сравнивая «Морехода», «Скитальца», «Плач жены» и «Деора» («Песнь о Деоре»), видим, что первые две элегии «Мореход» и «Скиталец» включают мотив путешествия, герой в них не называется по имени [1, 2]. Драматизм ситуаций в элегиях, как правило, заключается в столкновении с безысходностью, т. е. с одиночеством. Автор элегий подробно останавливается на описании мест и прошлых событий, забывающихся побед. Элегии «Мореход» и «Скиталец» наиболее схожи по описанию и содержанию. Это типичные классические англосаксонские элегии, повествующие о том, как важно иметь веру в Бога. «Мореход» демонстрирует фундаментальное англосаксонское верование, что жизнь создается Судьбой, а Бог дает надежду. «Мореход» напоминает «Скитальца» тем, что Море изображается как место страдания и одиночества, а также идеей, а морские птицы в море зимой иронично ассоциируются с толпой мужчин, пирующих в зале. Это стихотворения-размышления, которые учат христиан быть верующими и сохранять свои верования. Всё в мире подчиняется Богу как высшему разуму, и Судьба человека в руках Бога. Это стихотворения-познания, в которых утверждается,

что земная слава неизбежно противопоставляется теме спасения, а само спасение возможно только через веру в Бога.

Элегия «Плач жены» отличается тем, что «безысходность» исходит от женщины (хотя этот факт ставится под сомнение). Данная элегия рассматривается не только как аллегория, но и как стихотворение-загадка (здесь можно сопоставить ее с гномическим стихом, и это отличает ее от предыдущих элегий). Особенности языка и обстоятельства, в которые попал главный герой «Скитальца», делают их похожими с последним упомянутым произведением [3].

«Песнь о Деоре» – своеобразный образец лирического произведения, который принято, хоть и не бесспорно, относить к жанру элегии, а Д.М. Фоули считает его образцом классической элегии, так как «Песнь», так же как «Скиталец» и «Мореход», имеет типичную эгегическую структуру и не имеет черт, которые могли бы вывести ее за пределы жанра [4].

Во-первых, в этом произведении наряду с присутствием особенностей поэтики песни-утешения и плача-жалобы (что близко по основной идее к элегии: в «Мореходе» и «Скитальце» присутствует именно плач-жалоба) функционирует мотив *ubi sunt* («где же они теперь?») латинского происхождения, который также есть в упомянутых элегиях, что частично подтверждает наличие определенных схожих черт между данными тремя элегиями.

Данный мотив не проявляется как самостоятельный в русской поэзии, но встречается в литературах, испытавших более сильное влияние римской классики вследствие католической христианизации: английской – от древнеанглийской до современной английской (Беоульф, Шекспир, Р.Л. Стивенсон, Толкиен и др.), в средне-французской (Франсуа Вийон), средне-испанской (Хорхе Манрике). Данный мотив является частным случаем риторического вопроса, подразумевающего ответ, что все, о ком спрашивалось, перестали существовать. *Ubi sunt* выступает как поэтический прием, целью которого является неявный ответ на возможные вопросы читателя. В «Деоре» 6 строк из 42 выражают этот мотив:

«*fæs ofereode, þisses swa mæg*» – «*That too did pass; so shall this*» – «*Всё это прошло, и это тоже пройдет*» [5].

Композиция элегии производит впечатление законченности, стройности; язык элегии прост, но сложность восприятия для современного читателя обусловлена тем, что все герои, которые упоминаются в тексте, современному читателю не известны. Главная идея автора выражается через повторение отсылок к различным сюжетам древнеанглийской литературы и сопоставление их со своей судьбой:

«Что я был тогда слугой Хоеденинга, храброго короля:
Меня звали Деором.
Я много лет ему служил, храброму господину,
Пока Хеоррэнда,
Умелый муж, не забрал права на землю,
Что мне ранее эрл подарил».

Деор – единственный лирический герой элегий, который себя называет по имени. Он привязывается к конкретной ситуации, что подтверждается отсылками к биографии: «*ƿæt ic hwile wæs Heodeninga scop*» – «когда я был менестрелем при дворе Хеоденингов».

Конфликт героя Деора связан с тем, что время данного героя прошло, но надежда на исправление ситуации к лучшему есть (хотя он делится своими мыслями и советами на судьбу). Источником трагизма является нарушение связи героя с обществом.

Приведенные Деором описания связывают его с героическим миром. Он вписывает свою судьбу в контекст судеб эпических героев, добившихся славы и богатства, а затем потерявших их. Прошлое героя описывается готовыми формулами эпической поэзии: «*There sits a sorrow-laden man*» – «сидит там печальный муж», «*For many years*» – «многие годы», «*to many a man*» – «многим мужам» и т. д.

В своей песне Деор рассказывает о пяти персонажах.

Первый персонаж – кузнец Велунд, который был взят в плен королем, король забрал кольцо его убитой жены, тем самым обидев кузнеца. Именно этот момент рабства и выбирает автор «Деора», именно о нем он говорит «и это пройдет»:

«*Welund him be wurman wræces cunnade,*

anhydig eorl earfoþa dreag,
 hæfde him to gesiþþe sorge ond longap,
 wintercealde wræce; wean oft onfond».

Из других текстов («Песнь о Велунде», «Старшая Эдда») мы узнаем, что, освободившись от рабства, Велунд отомстил королю, убив его сыновей и из их черепов сделав чаши, из глаз – ожерелье, а из зубов – брошь.

Второй персонаж – Беадохильда, дочь короля, изнасилованная Велундом, узнала, что ее брат был убит, когда она уже была беременная. Поэтому уже не боялась будущего, т. к. худшее уже случилось:

«Beadohilde ne wæs hyre broþra deap
 on sefan swa sar swa hyre sylfre þing,
 þæt heo gearolice ongieten hæfde
 þæt heo eacen wæs; æfre ne meahthe
 þriste geþencan, hu ymb þæt sceolde».

Третий персонаж – Матильда. Ее имя было упомянуто потому, что король, влюбившись, потерял покой и сон из-за своей любви:

«We þæt Mæðhilde monge gefrignon
 wurdon grundlease Geates frige,
 þæt hi seo sorglufu slæp ealle binom».

Четвертый персонаж – Теодорик, который владел замком тридцать лет, но в итоге потерял замок. Хорошее изменилось к плохому:

«ðeodric ahte þritig wintra
 Mæringa burg; þæt wæs monegum cuþ».

Пятый персонаж – Эрманрик, дядя упомянутого Теодорика, славившийся своей жестокостью, которого покарала судьба в лице детей убитой им женщины, которые его погубили:

«We geascodan Eormanrices
 wylfenne geþoht; ahte wide folc
 Gotena rices. þæt wæs grim cyning.
 Sæt secg monig sorgum gebunden,
 wean on wenan, wyscte geneahhe
 þæt þæs cynerices ofercumen wære».

Элегический герой, как и эпический, характеризуется храбростью, отвагой, смелостью, ловкостью, моральной устойчивостью и сопереживанием слабым и незащищенным. Он уверен в правильности своего выбора и сражается за свои убеждения. Сила его убеждений проявляется в стойкости и тех чувствах, которые он испытывает по отношению к окружающему миру.

Поэт от лица Деора описывает свое состояние, заявляя, что судьба изгнанника ужасна и страшна своей ненужностью обществу и отчуждением со стороны этого же общества. Печальный и роковой тон раскрывает пустоту в душе и мистическую тоску исполнителя, ненасытную потребность могущественных сил, состоящих из отчаявшихся и надеющихся душ, в безоблачном будущем, в котором не будет места отвержению и отчаянию. Приведя примеры из прошлого, он продолжает надеяться, что у него тоже всё будет хорошо:

«þæs ofereode, þisses swa mæg!» – «То всё прошло, и это пройдет!».

Из пяти ситуаций, описанных в «Песне о Деоре», две заканчиваются положительно (Велунд, Беадохильда), две отрицательно (Теодорик, Эрманрик). С одной стороны, этот баллад показывает реалистичный взгляд на мир: автор видит и хорошее, и плохое. С другой стороны, автор видит динамику мира: всё изменяется, и в его мировоззрении отсутствует как фатализм, так и безудержный кандиловский оптимизм.

Таким образом, элегия «Песнь о Деоре» занимает своеобразную нишу в ряде англосаксонских элегий, так как наряду с элегическими приемами использует и приемы, характерные для эпоса. Такие черты поэтики, как повествование о конкретных исторических событиях в стихотворной форме (правление Теодорика Великого, сюжет о кузнеце Велунде и пр.), указание на авторство от лица реально существовавшего человека, отличают ее от других древ-

неанглийских элегий, где авторы старались дистанцироваться от эпоса и придерживались анонимности для создания образа лирического героя как «человека вообще».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирницкая О.А. Древнеанглийская поэзия. – М.: Наука, 1982. – 320 с.
2. Ubi sunt. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ubi_sunt#Anglo-Saxon (дата обращения: 18.10.2014) (in English).
3. Berndt Rolf. A History of the English Language. – Leipzig: Enzyclopedie, 1982. – 168 с.
4. In memoriam: John Foley. – URL: <http://www.oenewsletter.org/OEN/print.php/memorials/foley/Array> (дата обращения: 21.10.2014).
5. Lesli R.F. Three Old English Elegies. – Manchester, 1961. – 165 с.

Поступила 22.10.2014.